

Переживает ли Россия социальный кризис?

Во многих докладах симпозиума звучал часто встречающийся в научной и публицистической литературе тезис, который вызывает у меня возражения. Он косвенным образом связан с темой сегодняшней панели — "Трансформация социальной структуры: новые социальные группы в России". Я имею в виду утверждение о том, что современное российское общество находится в состоянии социального кризиса, поскольку разрушены привычные социальные связи, произошла атомизация общества, и что для преодоления этого кризиса необходима консолидация общества, которая может произойти только на основе его структурирования. При этом подразумевается, что базой консолидации должно быть прежде всего восстановление структуры групп в обновленном виде, т.е. включение в социальную систему новых социальных групп.

Соглашаясь с исходной посылкой об атомизации современного российского общества, я не могу принять оценку этого социального состояния как кризисного (т.е. как требующего преодоления). Наверное, в России есть экономический, политический кризис, но социального кризиса нет, поскольку именно нынешняя атомизация общества является предпосылкой решения социальных проблем. Из этого следует, что попытки понять трансформацию социальной системы России путем изучения так называемых новых социальных групп могут оказаться не очень плодотворными.

Попытаюсь проиллюстрировать это утверждение. Бывают крайне важны слова, которые мы используем для понимания происходящего вокруг. Они бывают особенно важны, когда за ними стоят системы мировоззрения, логика понимания происходящего. Я бы не стала употреблять слово "кризис" в применении к социальным отношениям современного российского общества не только потому, что в нем явно присутствует алармистский оттенок. С моей точки зрения, словосочетание "социальный кризис" имеет смысл использовать по отношению к обществам, в которых нет условий для социальной активности людей, для того чтобы люди были мотивированы действовать. Это понятие относится скорее к нашему прежнему обществу, к стабильной советской системе.

В советском обществе, которое справедливо характеризуется как закрытое, маломобильное, с жесткими границами между группами, принадлежность к группе, к некоторому коллективу была необходимой предпосылкой социального выживания индивидов. Для того чтобы не упасть на социальное "дно", не стать маргиналом, советский человек должен был пожертвовать своей индивидуальностью, собственными целями, убеждениями, ценностями, нормами и принять

нормы социальных групп. Только так можно было чувствовать себя защищенным. И именно поэтому человек советский был прежде всего человеком коллективным, что подтверждается результатами многих эмпирических исследований.

В социологии есть концепция социальной группы как тирана, который трансформирует цели индивида в цели всех, в цели коллектива. По этой концепции групповая культура — это культура жесткой тождественности членов группы друг другу. Индивиды, принадлежащие к группам, живут в условиях тотального запрета.

То, что происходит в современном российском обществе, на мой взгляд, разрушает этот запрет. Поэтому я предложила бы вместо терминов "кризис", "катастрофа" и подобных им употреблять термин "аномия". В своем классическом смысле он означает разрушение норм, управляющих социальным взаимодействием. Аномия, дезинтеграция общества обычно воспринимается как явление отрицательное. Ее признаком является рост уровня социальных отклонений — преступности, самоубийств. Но такое состояние общества имеет и положительную сторону: разрушая социальные связи, аномия тем самым ликвидирует тотальный запрет закрытого общества, увеличивает возможность индивидуального развития и тем самым создает перспективу развития общества.

Аномия — это неизбежное состояние любого открытого общества. Такое общество меньше верит в свои правила, и индивиды реже ориентируются на них в своих действиях, каждый раз их переосмысливая, разрушая тем самым групповую тождественность. Идея тождественности противоречит идее индивидуальной свободы, базовой для открытого общества, мешает его развитию. Но еще больше она мешает развитию открывающегося общества, в котором индивидуалистические ценности требуют гораздо более серьезной защиты, поскольку они еще не институционализированы.

В современной социологии существует представление о динамике открытых обществ как о движении от социальных структур к культурно-ценностным. Если в прежних обществах социальные акторы действовали как члены социальных групп, подчинялись в своем поведении групповым нормам, то в современных обществах они становятся рефлексивными социальными агентами, действуют строго индивидуально, ориентируясь на ценности своей культуры.

Мне кажется, главное, что происходит в социальной системе нашего общества в последние годы — это смена источника общественного развития: раньше он был в динамике социальной структуры, а сейчас он заключен в действиях рефлексивного социального агента. Этот переход происходит слишком быстро для того, чтобы быть безболезненным. Он вызывает множество социальных проблем. Но только продолжение движения общества в этом направлении может разрешить социальный кризис, существовавший в закрытом советском обществе, последствия которого видны и сейчас.

Из сказанного следует, что для понимания процессов, происходящих в современном российском обществе, требуется перенос внимания исследователей с социальной структуры на культурно-ценностные системы, т.е. с индивида — члена группы, чьи действия определяются его социальными позициями, — на рефлексирующего социального агента, осознающего ценности своей культуры, который ориентирует действия на свои ценности и основывает их на индивидуальном осмыслении своих социальных ролей.